

ОЛЬГА
ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДВОЙНОЙ СОБЛАЗН.
МАЛЫШКА ^{ЛЯ} МАЖОРОВ

Ольга Дашкова

**Двойной соблазн.
Малышка для мажоров**

«Автор»

2023

Дашкова О. В.

Двойной соблазн. Малышка для мажоров / О. В. Дашкова —
«Автор», 2023

Наглые. Опасные. Они любят скорость и красивых девушек. Драйв, ночные гонки без правил и крутые тачки. Макс и Ник – сводные братья. Свободные, дерзкие, богатые. Они и не думали, что встретят в этой глуши, куда были отправлены за очередную провинность, такую нежную и сладкую девочку. Откровенная, манящая, запретная. Она их соблазн. Одна на двоих. Кто уступит? Кто уйдет? Останется она для них игрушкой или станет кем-то больше?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Дашкова

Двойной соблазн. Малышка для мажоров

Глава 1

– Макс, гони, гони! Да нажми ты на педаль!

– Заткнись!

Молодой мужчина сосредоточенно смотрел на вперед, пальцы крепко сжимали руль. Черный спорткар как пуля летел по ночной дороге, яркие блики фонарей отражались на его гладкой, отполированной поверхности.

Малышка с двигателем четыре литра и разгоном до ста километров в час за четыре секунды не должна была подвести. Она была идеально, совершенной.

– Макс, да, да, так, обгоняй его!

– Кит, углохни!

Парень на пассажирском месте поджал губы, подался вперед, неотрывно следя за соперником справа. Нужно было обойти белый автомобиль, который не уступал в скорости, это был вопрос престижа. Даже не денег, их было достаточно, им бросили вызов, а братья всегда его принимали.

– Черт! Макс, не угрожь нас!

Пришлось резко вырулить влево, едва не задев автомобиль, ехавший впереди, раздался истошный сигнал, но, вместо того чтобы притормозить, Макс лишь прибавил скорости. Он любил тот драйв, что дарил она, когда по коже бежали мурашки, словно тысячей иголок покалывая нервы.

– А, испугался! Сопляк!

– Нет! Гони, гони, давай, он уже позади!

Оставалось всего несколько сотен метров, считанные секунды до конца выбранной трассы, когда сбоку вновь мелькнул автомобиль соперника. А впереди – неизвестно откуда взявшиеся оранжевые баки ограждения дороги.

– Ох, нихрена!

Ник круто наклонился влево, Макс успел свернуть, а вот противник – нет.

Тачка, налетев на препятствие, взмыла в воздух и, сделав переворот, с грохотом и скрежетом рухнула на асфальт.

– Да... черт, черт, черт!– Ник схватился за голову, резина оставляла длинный след, а тормозные колодки оглушали скрипом.

Все это было вчера.

Точнее, минувшей ночью на одной из оживленных трасс города, где категорически были запрещены гонки. Но золотая молодежь, выбрав для себя этот ровный участок дороги, раз за разом устраивала там соревнования на скорость.

– Вы в своем, мать вашу, уме? Вам чего не хватает в этой жизни? А я знаю чего. Ума. Мозгов вам не хватает обоим. Вы их все выветрили на своих гонках, тачках, мотоциклах, прокурили и вытрахали! И не смотри на меня так, это еще не самые обидные слова, сказанные мной!

Невысокий крепкий седовласый мужчина пятидесяти пяти лет строго смотрел на двух молодых парней. Хоть на улице и было солнечное лето, но тучи сгущались с каждым сказанным словом все больше в доме Ивана Николаевича Зорина.

– Пап, ну все живы, ничего...

– Ничего? Это, по-твоему, ничего не произошло? Никита, ты в своем уме? Человек мог погибнуть, машина превращена в груды железа, часть дороги раскурочена! И это, по-твоему, ничего?

Ивану Николаевичу хотелось, как в их детстве, снять ремень, отшлепать этих двух сорванцов, поставить в угол. Но этим сорванцам было давно не по десять лет, а гораздо больше. Ремень сейчас не поможет, поздно, нужно было раньше лупить их. Лупить и держать в ежовых рукавицах, дал он тогда слабину.

– Савельев Денис жив, но в тяжелом состоянии, в медикаментозной коме. Несколько сложных переломов, что-то там еще. А все почему? Потому что кое-кто решил показать, какой он смелый и ловкий, как хорошо научился управлять дорогой тачкой. Да, Макс? Это все о тебе?

Максим провел по волосам руками, впился взглядом своих серо-голубых глаз в отца. Да, он был прав, вышло паршиво, но Дэн сам виноват, что не справился с управлением, свою вину младший Зорин не признает никогда, слишком гордый и упрямый.

– Что ты от меня ждешь? Что я сейчас начну лить слезы? Савельев сам виноват. Нечего было строить из себя крутого.

– Виноват ты! Ты старше, должен быть умнее и мудрее, чтобы не допускать такого! Ник, вылези из телефона, когда я с вами разговариваю!

Мужчина закатал рукава рубашки, прошелся по кабинету, выглянул в сад. Там около клумбы возилась жена, Лиза просила не давить на мальчиков. Они все еще для нее мальчики – два здоровых, наглых, татуированных бугая, которые живут совсем без тормозов и без царя в голове.

– С ним же все будет хорошо? – Никита задал вопрос, а сам с опаской ждал ответа. – Если он...

– Кит, все будет хорошо, никто не умрет, это медикаментозная кома, – Максим нервно взял свой телефон, разблокировал, было с десяток непрочитанных сообщений, но он не стал их читать, снова убрал.

Ночь выдалась нервной – авария, полиция, участок, их машину на эвакуаторе увезли на штрафстоянку. Несколько часов, проведенных в обезьяннике, пока не приехал отец с каким-то генералом, и их не отвезли в загородный дом.

– Так, я принял решение. Оно могло быть жестче, я предлагал военное училище, но пока, на данный момент, я пошел навстречу маме, и вы до конца лета уезжаете к деду. Без машин, мотоциклов, денег, но телефоны для связи вам разрешено оставить.

– Что? Ты сдурел...

– Замолчи и не смей так разговаривать с отцом, Максим! Это не обсуждается! Все и так зашло слишком далеко, а могло случиться и хуже, вы могли погибнуть!

Макс нервно сжал кулаки, резко встал, вышел из кабинета, хлопнув дверью. Решение, принятое отцом, было несправедливым, на август у него много планов. Нужно было готовить байки к гонкам, тренироваться, объезжать их, отец не понимал, это не хобби, это их с братом жизнь.

Нужно было вчера не обращать внимания на слова Савельева, но он провоцировал, а Макс всегда реагировал на такое бурно.

– Черт! Черт! – несколько ударов в стену.

– И не ломай дом! Лучше собирай вещи, – крик отца за стеной, парень плотно сжимает челюсти, скрипит зубами.

Никита вышел в коридор, посмотрел на брата.

– Да все в порядке, Макс, поедem к деду, отдохнем. Мы не видели старика год. Может, каких девчонок встретим местных. Провинциалки, говорят, доверчивые, чистенькие, сладенькие.

Никита что-то набирал в телефоне, одновременно говорил с братом.

– Ты ни о чем другом больше думать не можешь?

– А чем плохи мысли о девчонках?

Максим не ответил, девчонки сейчас волновали его мало, так было всегда. Может быть, от того, что этих девчонок было больше чем достаточно, он не запоминал их имена, не вспоминал при повторной встрече. Его больше волновали драйв, свобода и адреналин, что кипел в крови, когда байк набирал скорость на ровной трассе, несясь навстречу ветру.

– Да что может случиться за месяц? Отец остынет, все забудут эту историю, жалко, что байки с собой взять нельзя. Отдохнем, расслабимся, дед же не будет нас заставлять копать его огород? И да, девчонки – там точно их полно.

В свои двадцать три года Никита – или как его чаще называли, Кит – из-за огромной татуировки кита на спине – в отличие от своего старшего сводного брата, был оптимистом и бабником.

Они во многом были разными. Но одинаково любили скорость, секс и крутые тачки.

Но ни он, ни Макс и не могли предположить, что эти вынужденные каникулы перевернут их жизнь. А случайная встреча станет судьбоносной.

Но это все впереди, а пока лишь гнев разжигает вспыльчивый характер молодых мужчин и толкает ссору с отцом.

Глава 2

- Мы могли бы поехать сами.
- Могли, но поедете с шофером.

Иван Николаевич прошелся придирчивым взглядом по сыновьям, кивнул водителю, мужчина ответил тем же, поправив пиджак.

– И что за недоверие? – Никита возмущался для приличия, чтобы отец не понял, что они смирились и, поджав хвосты, выполняют команды всемогущего Зорина.

– Доверие на нуле. Лиза, прекрати так смотреть, словно на фронт их провожаешь. Хотя дед научит их свободу любить, он уже проинструктирован, вас ждет жаркая встреча.

Зорин приобнял за плечи жену, он не любил, когда Лиза расстраивается, а тем более плачет. Но на проказы и наказания мальчиков она всегда реагировала остро.

Макс молча кинул сумку в багажник, не оборачиваясь, сел на заднее сиденье. Ему наплевать, что там задумал отец по поводу их с Никитой воспитания. Когда надо было это делать, тот вечно пропадал в командировках и на совещаниях. Что выросло, то выросло, обратно не вернешь. А Макс найдет способ сбежать, не в первый раз.

- И да, Валера будет с вами.
- Что?
- Что?

Максим высунул голову, посмотрел на отца, потом на громилу-Валеру. Тот работал у них водителем и охранником третий год, возил мать по магазинам, таскал ее сумки с чемоданами в аэропорту. А теперь он что, будет везде таскаться за ними с братом? Позорить и смешить народ?

- Валере заняться больше нечем?
- Максим, так надо, не спорь с отцом, я тебя прошу.

Макс вздохнул, скрипнул зубами, не хотелось грубить при матери, хотя Лиза не его мать. Они с Китом не родные по крови, но кажется, роднее не бывает. Вот уже пятнадцать лет, как Иван Зорин встретил Елизавету Ларину, и они стали семьей.

Ох и крови Макс ей попил и нервов вымотал, но Лиза оказалась железной леди, хоть и с виду чистый ангел. За одно то, что она не бросила все и не послала отца вместе с его проблемным отпрыском к чертям, стоит сказать ей «спасибо».

– Ма, это что за дела? Нам же не по пять лет, нам нянька не нужна. Зачем Валера?

– В том-то и дело, что вам не по пять лет, а по двадцать шесть и двадцать три, и один дед может не справиться. Валера поможет, а еще присмотрит и будет докладывать о каждом шаге в сторону и выезде за пределы города. Да, Максим?

Теперь было понятно, зачем Валера – отец перестраховывается, зная все планы сына заранее. Хитрый черт, но Макс хитрее, он все равно что-нибудь придумает.

– Кит, поехали, еще слезу пусти, садись давай.

Никите было проще, он не обижался на отца – да, Зорина он принял как отца после того уroda, своего родного папашки, что у него был. Он очень хорошо помнит, хоть и был маленьким, как отец гонял маму по тесной комнате в пьяном угаре, как она защищала его, не давала тронуть пальцем, принимая все удары на себя.

Короче, жесь была, а не жизнь.

А потом появился Зорин и его сын. Притирались недолго, а теперь и водой не разлить. Общее увлечение, общие дела, интересы, цели и планы, друзья, даже девчонки были.

– Ну, пока, мы поехали, если кто из девчонок будет меня искать, скажите, что ушел в армию, пусть ждут и слезы льют, – Кит смеется, садится в машину, закидывает ноги на приборную панель.

- Убери ноги и пристегнись.
- Валер, да нормально все, и так доедем, наши номера знает каждая собака.
- Ноги убрал и пристегнулся. И зовут меня Валерий Валерьевич.

Водитель чуть склонил голову, посмотрел на Никиту, хотелось дать ему затрещину, но не стал, пусть отец воспитывает. А вообще, Валерий знал по собственному опыту, вот таких наглых и дерзких жизнь ломает сильнее, чем остальных. У Никиты все впереди, случится то, что собьет с него спесь и гонор.

- Хорошо, я буду называть тебя ВВ.
- Валерий Валерьевич или просто Быков.
- Тебе идет фамилия.
- Пристегнись.
- А ничего, что ты так грубо разговариваешь с хозяином?

– Ты не мой хозяин, а насчет вас двоих я получил четкие указания. И если вы будете хорошо себя вести, ни у кого проблем не будет.

Никита не ответил, пристегнулся, вставил в уши наушники, включил музыку в телефоне на полную громкость. Они выехали из закрытого поселка, дорога была неблизкой, дед жил в каком-то городке, название которого со временем забылось.

Максим откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Все, что сейчас происходило, ему не нравилось. Можно было не наказывать таким образом, что вообще за блажь – сослать их к деду и мариновать там месяц? Да он с ума рехнется от безделья и бездействия.

Но сейчас спорить с отцом было опасно. Они, конечно, попадали с Китом в аварии и ломали не раз ноги, руки, ребра. Особенно когда сели на байки и начали участвовать в заездах. Но то, что было вчера, впечатляло. Савельев попал в замес серьезный.

Непонятно, почему это они виноваты? Дэн сам вызвался, это он не справился с управлением, да вообще непонятно, откуда там взялся ремонт дороги и эти баки?

«Макс, куда пропал? Я уже скучаю».

Зорин прочитал уведомление, откинул телефон на сиденье, достал сигарету, долго чиркал зажигалкой, чтобы прикурить. Открыл окно, затаился, выпуская дым. Валера строго сверкнул взглядом, вот на него также было плевать, пусть хоть орет о том, что курить вредно.

- В машине не курят.
- Останови, пойду пешком.

Если для Валеры Никита был маленьким милым паршивцем, то Максима он считал огромной занозой в заднице. Но ничего, и его время придет, перебесится, если не убьет сам себя в гонках.

Три часа ехали молча, остановились лишь раз на заправке – купить воды, заправиться и сходить в туалет. Ник перебрался назад и спал, Максим дремал. Они так уже ездили к деду и не раз, когда были меньше. Кит постоянно ныл, что его укачивает, блевал каждые десять километров, а Макс смеялся над ним, что гонщика из него не выйдет.

Не заметил, как задремал сам, а когда проснулся от автомобильного сигнала, резко открыл глаза.

- Уже приехали?
- Почти.
- Это же... Что вообще это?
- Конечный пункт назначения – город, точнее, его пригород, поселок Горняцкий.
- Господи, я и забыл, какая это дыра.

Черный представительского класса дорогой автомобиль на ухабистых дорогах поселка смотрелся дико. Немногочисленные местные жители останавливались и провожали его долгими взглядами, а собаки лаяли вслед.

– Долго там еще? Жрать охота. Надеюсь, дед хоть что-то приготовил? Макс, помнишь, как он накормил нас сырой картошкой?

Макс помнил. Это он им дал задание сварить картошку, они ее кое-как почистили, но недоварили, а потом ели, потому что признаться в том, что она несъедобная, язык не повернулся.

– Все, приехали.

Валера вышел первый, потянулся, разминая мышцы. Высокий забор и калитка у дома заросли плющом, тяжелые гроздья рябины краснели на ветке.

– Нас не ждут? Дед вообще дома? Он живой? Дед! Дед, открывай, родня приехала!

– Кит, не ори.

– Да, не ори, салага, я старый, а не глухой.

Замки заскрежетали на калитке, а когда она распахнулась, перед глазами гостей предстал невысокий, но крепкий пожилой мужчина в тельняшке, фуражке и с ружьем.

Глава 3

– Seriously? Матрасы? А где кровать?

Никита возмущенно махнул рукой в сторону двух матрасов, лежащих по противоположным стенам в комнате.

– А никто вам не обещал пятизвездочный отель, скажите спасибо, что есть туалет и душевая, и я успел доделать ремонт до прибытия вас, паршивцев.

– Туалета могло и не быть? – Никита был ошарашен новостью.

– Да, справляли бы нужду на улице, на свежем воздухе, сливаясь с природой.

– Дед, ты шутишь?

Мужчина кашлянул в кулак, погладил седую короткую бороду, сын сказал быть строгим с отпрысками и наследниками, он проследит, вот у него-то они научатся любить свободу. Не то что в городе – разбаловались, там все им дозволено, никакой ответственности и уважения.

К матрасам, конечно, прилагались кровати, две шутки, как положено, но собрать их Николай Иванович не успел. Да и вообще не ждал он так рано внуков, Иван обещал, что они осенью приедут все, с Лизой, да еще с какой-то новостью.

Новости Николай Иванович не любил, не смотрел и не слушал. Полковнику вооруженных сил в отставке хватило в свое время их. Теперь у него дом – хороший, добротный, двухэтажный, участок. Живность даже есть, пара грядок, все свое, натуральное. А вот гостей Зорин любил, пусть неожиданных, но ведь внуки, как ни крути, хоть и взрослые оболтусы уже.

Но наказано держать их в строгости, это он умеет. Сына своего держал так, пока тот не уехал учиться, зато человек из него вышел хороший.

– У кого ружье в руках, тот не шутит. Запомни первое правило боец.

– Что вообще происходит? Это шутка? Нас снимает скрытая камера?

Никита посмотрел на деда, потом на брата, покачал головой, прошел в комнату, бросил сумку у матраса. Макс зашел молча, кинул свою у другого и, как был, в ботинках, лег и достал телефон. Окей, он потерпит немного это представление, а потом свалит. Красиво свалит, тихо и пусть хоть с собаками его ищу.

– А будет еще и второе правило?

– Да. Подъем в шесть утра, построение на заднем дворе у курятника. Зарядка, потом собираем завтрак, следом его ловим.

– Дед, у тебя точно все в порядке? Ну, я имею в виду с головой? Макс, может, отцу позвонить? Наш полковник в отставке, кажется, того, немного не в себе. Бред сумасшедшего.

– Отставить! – Николай Иванович топнул ногой, позади него маячил Валера, и все напоминало второсортную комедию.

– Дед шутит, Кит, не воспринимай все так буквально, – Максим приподнялся, снял кожанку, потом футболку, было жарко, вообще после дороги хотелось в душ и жрать, а потом спать.

– Никто не шутит. На завтрак соберете яйца в курятнике, а на обед поймаете и зарубите курицу.

– Ну, я же говорю – шутит. Кит, закрой рот и закажи пиццу или суши, в животе урчит.

Братья переглянулись, но Никита понимал, что дед не шутит, он вообще никогда не шутил, сколько он себя помнил и знал его. В первую их встречу и знакомство, когда Нику было почти девять лет, Николай Иванович учил их с Максом нюхать порох и копать траншею.

– Мойте руки и спускайтесь, суши в моем доме не едят.

Дед с Валерой ушли, даже двери не закрыли, Максим пошел обследовать ванную комнату. Унитаз, раковина и душевая кабина были на месте, даже мыльные принадлежности и

полотенца. А вот воды горячей не было, это молодой человек понял, едва разделся и залез под нее.

– Да твою же мать! Черт! – стуча зубами, быстро обмылся, вылез, вытерся полотенцем.

– Что там? Чего орал?

– Нормально все, эмоции, на отца злюсь.

– М-м-м, – Ник ушел следом, но, как только сам включил воду, заорал на весь дом. –

Сука! Макс! Чего не сказал?

– А ты думал, в пятизвездочный отель попал? – Макс передразнил деда, улыбнулся первый раз за сутки, он любил подшучивать над Китом, пусть взбодрится, как и он.

– Дед совсем сдурел, у меня зуб на зуб не попадает, – Никита вышел, теряясь, кутаясь в полотенце, с волос по лицу стекала вода, оставляя мокрые следы, прошел до матраса.

– Надо валить отсюда.

– Как? А Валера?

– Нейтрализовать Валеру.

– Он скорее нейтрализует нас, чем мы его.

– Черт, так скучаю по байку да по тачкам.

Макс понимал, долго он без скорости и дороги не протянет, ломка начнется, так было в том году, когда он сломал ногу и три месяца скакал на костылях. Но тогда его выручал Ник, он был у него за штурмана, совсем забывая о гипсе.

– Милка пишет, что Савельев все еще в медикаментозной коме, еще – что полиция их всех допрашивала: кто что говорил, с чего все началось?

– И что сказала Милка?

– Что Дэн сам вызвался, светил баксами, ставил их на то, что будет первым, а мы на своем корыте можем развезить почту.

Все примерно так и было сказано, но в более грубой форме. Был брошен вызов, Макс с Ником его приняли, Савельев проиграл и проспорил, и может катиться ко всем чертям. Их несправедливо сослали к деду на матрасы и холодный душ с убийством куриц по утрам.

– Вы идете? Эй, гонщики бедовые, щи стынут! – дед крикнул с первого этажа.

– Щи? Макс, ты когда последний раз ел щи?

– Не помню, года три назад, когда мы здесь были в последний раз.

Молодые люди оделись, усталость брала свое, а есть хотелось ужасно. Спустились по деревянной широкой лестнице, на кухне был накрыт круглый стол с белой ажурной скатертью и выставленными на ней тарелками с дымящимися щами, салом, зеленью, черным хлебом и крупно нарезанными овощами.

– Все за стол, Валерий, мы с вами выпьем для аппетита беленькой, а детям не положено по причине неокрепшего молодого организма.

Макс поморщился, алкоголем он не увлекался, находя острые ощущения в другом. Пять минут ели молча, до тех пор, пока Никита не достал телефон, который дед пригрозился отобрать. Ибо в его доме за столом говорят только о погоде, или вспоминают его армейские будни. Никаких гаджетов, газет и новостей.

В данной ситуации от него можно было ожидать всего, а телефон Кит не хотел терять, как последнюю связь с реальным миром от которого его так грубо оторвали. От байка, скорости и Милки.

– И какие были у отца еще указания по поводу нас, ну, кроме холодной воды и матрасов? – Макс доел, отложил ложку, щи и правда были вкусными, но это с голоду.

– А ты тут мне гонор не показывай, указание было сделать из вас людей. Мы с Валерой постараемся, батя вас не узнает, будете шелковыми.

Спорить было бесполезно, дед упрямый и вредный, отец говорит, что Макс в него. Хотелось после бессонной ночи и утомительной дороги лечь спать и не просыпаться двое суток. Этим Максим Зорин и собирался заняться, а мысли о плане побега отложить на потом.

– Спасибо за ужин, если на сегодня воспитательный момент закончен, то я пойду.

– Да, иди, посуду помоев Никита, сегодня он дежурный.

– Что? Какое еще дежурство? Я ничего мыть не буду, я не умею, – Никита начал возмущаться.

– Ничего, научись, дело нехитрое, не сложнее, чем машину водить, раз попробовал – и уже не забудешь.

Максим не стал влезать в спор, ушел наверх, в их с Ником комнату, не включая свет, вышел на балкон, сел на перила. Достав сигареты из кармана спортивных штанов, закурил, рассматривая местность.

За то время, что их не было, деревья стали больше, а вот места меньше. Балкон выходил на соседний участок, была видна часть дома напротив и окно с незадернутыми шторами.

А в нем – тонкий силуэт девушки, которая при ярком свете медленно снимала платье.

Максим в этот момент сделал глубокую затяжку, но так и не выдохнул, подавился и закашлял. Свет в окне погас, девушка исчезла.

Глава 4

– Вероника! Вероника, спускайся, чай остынет и мои булочки с маком.

– Иду, тетя Люба. Иду, – девушка быстро накинула халат, выключила свет, обернулась, но как только хотела открыть дверь и выйти, задержала взгляд на яркой точке за окном.

Раньше ее там не было.

Подошла ближе, чуть сдвинув тонкую вуаль штор в сторону, пригляделась внимательней. У соседей кто-то был на балконе, и этот кто-то курил. Странно – за два месяца, что Вероника жила у тетки, никто не появлялся на балконе мансарды.

Моргнув несколько раз, Вероника пригляделась снова, но ничего уже не было. Показалось? Все может быть после того, как она целыми днями не отрывается от учебников, не видит лета и вообще белого света, как говорит тетка.

– Теть Люб, а сосед, ну тот, что Зорин, курит?

Девушка спустилась вниз, на кухне пахло сдобным тестом, ванилью и чаем с мятой.

– Кто? Николай, что ли? Не знаю, может, и курит, мне вообще наплевать, что он там делает, пусть хоть пляшет на крыше, – женщина поставила на стол блюдо, пышные булочки с маком манили к себе румяными бочками, что аж слюнки текли.

– Налетай, да в варенье макай, зря, что ли, я тебя в малину загнала?

– Ты, тетя Люба, все-таки к нему равнодушна.

– К кому? – женщина села за стол, разлила по глубоким пиалам чай, взяла булочку и вопросительно посмотрела на племянницу.

– К Зорину, – Вероника улыбнулась.

– Вот еще, дед противный, его куры вечно лазают на наш газон, а одна недавно там яйцо оставила, так Бублик весь вымазался, еле отмыла.

Бублик понял, что говорят о нем, начал приставать к хозяйке, вилять купированным хвостом и пускать слюни. Мопс был милым, пучеглазым, но немного глупым, хотя это не лишало его обаяния.

– А еще ремонт этот затеял, месяц что-то колотил целыми днями, лаком вонял да инструментами шумел.

Любовь Генриховна, наконец, откусила дело рук своих – кулинарный шедевр в виде булки с маком. За свои пятьдесят бывшая прима-балерина и деятель искусства, заслуженная артистка, почетный житель города Ульянова Любовь Генриховна стряпала булки первый раз. Кому признаться из местных, так стыда не оберешься, но балерина в отставке только сейчас могла себе позволить такое.

– Ты ешь, ешь давай, господи, как вкусно-то. И почему я раньше не бросила все к чертям и не переехала в глушь? Сцена, интриги, зависть коллег, артрит суставов, травмы, нервы. К черту балет, да здравствует деревня!

– И почему не переехали?

– А я тебе скажу почему, деточка. Это все мужчины. Все беды из-за них, они, кстати, думают так же – что все их беды от нас, женщин. Мы что-то все хотим доказать, быть лучше, красивее, талантливее всех, хуедем, делаем подтяжки, ставим уколы. И все это не ради карьеры, а чтобы понравиться, чтобы крепче любили.

– Разве это плохо? Быть лучше?

Вероника могла часами слушать тетку, она была классная. Стройная, элегантная, с невероятным тюрбаном на голове и парчовом халате, с нанизанными серебряными перстнями пальцами, элегантно ела булку, дула на пиалу с чаем и учила жизни.

– Плохо, деточка моя, плохо. Ты забываешь о себе, о том, что ты личность, что ты и так прекрасна, и что-то каким-то там мужикам доказывать не надо. Вообще, не влюбляйся никогда, это мука.

Вероника откусила булочку, зажмурилась от удовольствия.

– Да я и не влюбляюсь, рано еще. Очень вкусно, тетя Люб!

– Нашла старую поварскую книгу от бывших хозяев, они много что интересного оставили, хорошие люди. А как же тот молодой человек, Аркадий?

– Я же говорила, учимся мы вместе, он книги привозил. Просто знакомый.

– Ну да, кому же хочется тащиться сюда шесть часов к просто знакомой? Машина у него хорошая. Родители богатые?

– Тетя Люб, ну чего ты опять начала? Мы друзья, просто друзья, у него вроде как девушка была. Да и не до него и какой-то там любви, сама знаешь.

– Извини, девочка, скучно мне тут, я же привыкла, что все вокруг кипит, бурлит, страсти, интриги. Но надо привыкать с размеренной жизни, да, Бублик? Да, мой сладкий? Держи булку, вкусно, да?

Тоска накатила за секунды, вот недавно Вероника была весела, слушала тетюшку, раскрыв рот, а сейчас вспомнила маму, и в глазах защипало от слез. Вспомнила, как мама уходила, как было тяжело, Вероника тогда кое-как окончила школу и поступила в медицинский университет, дав обещание самой себе и маме, сгоревшей от рака за полгода, что станет самым лучшим врачом.

– Ну что, что опять? Вероничка! А хочешь, я булками Зорина угощу? Представляешь его шок, когда он увидит меня с ними? Он точно не поверит, что я сама, вот этими самыми ручками их приготовила.

– Точно не поверит, он такой странный, а еще строгий, я его иногда боюсь, мне кажется, его куры несутся от страха, – Вероника убрала за плечо прядь светлых волос, забралась в плетеное кресло с ногами, взяла еще булочку, макнула в варенье.

– Солдафон, как муж мой первый. Налево, направо, упал, отжался, все строго по расписанию, и все должно лежать на своих местах.

– Но ты же его любила, раз вышла замуж?

– Любила, потому что дура была. Господи, увидела его в форме, чуть с пуант не упала. Красивый черт был, а эти золотые погоны на широких плечах! Ввалился в примерку с до неприличия огромным букетом роз, а я почти голая, халатик не считается.

Вероника слушала, открыв рот, и хотела, чтобы вот у нее в жизни все было именно так, чтобы увидела и пропала, но чтобы навсегда и вместе. Чтобы дух захватывало, чтобы мурашки по телу от одного прикосновения и брошенной случайно улыбки. Чтобы как в книжках и в кино. Наивная она, конечно, но какая есть.

– А потом, как придавит, у меня дыхание сбивалось. Ой, о чем это я? Ты меня, девочка, не слушай, это все от тоски. Думаю, может, мемуары начать писать? Мне есть о чем поведать обществу. А тебе рано еще, береги себя для хорошего мальчика. Аркадий вроде хороший с виду, как считаешь?

Любовь Генриховна спросила тихо, отпила чай, погладила Бублика, не глядя на Веронику. Не любила ее племянница обсуждать личную жизнь, она в ее годы не такая была. А может, и правильно девочка делает, не распаляет себя, бережет, встретит еще того – единственного.

Ой, и плакать будет, Ульянова не завидовала.

У них в семье судьба такая – слезы лить от большой и бывшей любви. Что сестра ее, Вера, после отца Вероники ни с кем не сошлась, потому что забыть не могла предательства первой любви. Что сама Люба – забывала о своей, выходила три раза замуж, а все равно плакала.

– Да, решено.

- Что?
- Мемуары начну писать, завтра съездим в город, купим ноутбук, научишь меня, как там текст набирать. Назову: «Любовь Ульянова. Любовь и балет».
- А булки не понесешь Зорину?
- Перебьется, в его возрасте мучное на ночь вредно.

Глава 5

«Зай, как дела?»

«Я соскучилась».

«Хоть бы слово написал».

Телефон издал сигнал, Максим посмотрел на яркий экран смартфона, читая приходящие уведомления. Отвечать не хотелось никому. Он терпеть не мог, когда девушка навязывалась, писала, звонила, искала встречи.

Если ему надо было, он сам брал, что хотел, но без всей этой возни в виде ухаживаний. Благо доступных девиц было полно, они падали сами под колеса байка или на капот тачки, охотно скидывали коротенькие маечки и раздвигали ноги.

– Милка пишет, что все без нас скучают, тоска жуткая, в клубе тусят, гонки прикрыли, все боятся выезжать на дорогу.

– Твоя Милка прям как новостная лента.

– А ты видел, что в интернете творится? Видео с уличных камер выложили в сеть, Дэн там так зачетно летит, с переворотом, потом падает. Хорошо никого не задел, а то мы бы валялись не на дедовских матрасах, а на нарах и если бы баланду, а не ши.

– Ты, как Милка, сочинять любишь.

– Нет, Милка врать не будет, у нее папа прокурор.

– У вас все серьезно?

– Шутишь? Это же Милка, мы знакомы еще с тех пор, когда она лифчик не носила.

Лифчик – был серьезным аргументом.

Максим лег на спину, закинул руки за голову, на темном потолке шевелились тени веток дерева, что росло прямо у балкона. В памяти возник тонкий обнаженный силуэт девушки, длинные светлые волосы, аккуратная грудь, торчащие соски.

По телу прошла легкая волна возбуждения, Максим прикрыл глаза, воображение начало рисовать картинки. Его руки скользят по спине, зарываются в волосы, а они нежнее шелка, мягкие. Накрывает ладонью грудь. Упругая, кожа гладкая, припухший ярко-розовый сосок, во рту скопилась слюна, так хотелось его облизать.

– Да черт, – член напрягся, Макс оттянул ткань спортивных брюк, прошипел сквозь зубы.

– Ты чего там?

Никита повернулся на бок, глаза привыкли к темноте, брат был напротив. Ему все напоминало их приезды к деду много лет назад, когда ему было десять, а Максу тринадцать. Они так же спали в этой комнате со старой мебелью, на скрипучих кроватях, а на полу были разноцветные вязаные половички.

Все изменилось. Дом. Не стало мебели, но они снова здесь. С кучей проблем, с ворчащим дедом и охранником, сосланные в чужие земли злобным орком-отцом.

– Кит, ты помнишь, кто жил в доме напротив?

– Дедовского?

– Да.

– Так вроде никто. А, нет, жили. Старики какие-то.

В окне точно была не старушка. А может, Максус привиделась девушка? Нервы, стресс, напряг отца, вся эта ситуация дурацкая.

– Зачем спросил?

– Так, просто. Спи. Ты слышал, что нас завтра ждет? Яйца и куры.

– Дед шутит.

– Вот мы завтра и посмеемся.

Максим повернулся на бок, веки тяжелели, он старался не думать и не представлять себе голых женщин. Первые три минуты получалось, но стоило ему провалиться в стон, как перед лицом возникла девушка. Распущенные светлые волосы, серо-голубые глаза и улыбка – как удар под дых, лишаящий воздуха.

– Подъем, салаги!

Громкий голос раздался над самым ухом, эхом прокатился по пустой комнате. Никита отвернулся к стене, накрываясь тонким одеялом, Максим поморщился, хотел сделать то же самое, но ему не дали.

– Подъем, я сказал! Шесть утра! Все, как я и обещал: вас ждет разминка на свежем воздухе и холодное обливание.

– Дед, блин, кончай этот концерт, нам вчера хватило холодного обливания, – Макс открыл один глаз, потом второй, дед нависал над ним скалой.

– Концерт будет, когда я вылью на тебя ведро воды. И ты будешь спать потом в луже. Устроить?

Нет, этот старикан точно сошел с ума. Такой сон испортил криками. Яйца гудели, член торчал колом, как и положено с утра у двадцатилетнего молодого мужчины. Ему бы девочку, да ее сладкие дырочки, да слить сперму, а не все вот это.

У Макса Зорина так и было бы в городе, но сейчас приходилось скрипеть зубами, подниматься, чтобы не быть облитым. Дед кашлянул, смотря ниже пояса внука.

– Никита! Тебе персональный подъем нужен? А ты штаны надень и марш на улицу.

Спускались братья медленно, на первом этаже вкусно пахло едой, видимо, Валера сегодня был за повара. На крыльце поежились и, обняв себя за плечи, вышли на улицу.

– Сука, холодно-то как.

– Отставить выражаться в моем доме!

– Мы не в доме.

– Тебе дополнительные двадцать отжиманий.

Шесть утра, уже светало, первые лучики солнца проглядывали сквозь листву. Но было прохладно, чувствовалось дыхание приближающейся осени. Выложенные камнем дорожки были мокрыми от росы, как и трава под босыми ногами. Она моментально взбодрила, Макс расправил плечи, потянулся, сон сняло как рукой.

Когда они вообще последний раз вот так выходили на улицу и смотрели на рассвет? Они с Китом чаще возвращались в это время в загородный дом или городскую квартиру из клуба.

– Так, стоим прямо, ноги на ширине плеч, руки на поясе, делаем наклоны.

– И так целый месяц? – Ник шепотом спросил у брата.

– Отставить разговоры!

Максим пожал плечами, хотелось согреться, в одних шортах было холодно, начал сам разминаться, как это делал в качалке, куда ходил в лучшие времена два раза в неделю.

– Давай, Кит, не филонь, покажи деду, что ты не слабак.

– Да пошел ты. Сам слабак.

Макс толкнул брата в плечо, потом еще и еще, Никита ответил. Бывало, что они так дурачились, имитируя драку, мама была в ужасе, отец разнимал, а братья потом смеялись. Вот и сейчас дед не понял, что это игра, что молодежь всего лишь играет.

Братья делали подсечки, ставили подножки, падали на газон, поднимались и снова бросались друг на друга.

– Давай, давай, ну, нападай. Получи... ай...

– Сам получи... так тебе... так...

– Эй! Эй! Это вы... того... А ну, отставить! Кому говорю – прекратить!

Все замерли на месте, когда раннее утро оглушил выстрел.

– А ну, упали-отжались. Двадцать раз. Нет, тридцать!

Николай Иванович, признаться, слегка струхнул, когда эти два здоровых татуированных детины начали бороться. Что он скажет сыну, если дети покалечатся? Они приехали перевоспитываться, а не ломать кости. Вот и пришлось взять ружье. Валера выскочил на улицу с пистолетом, готовый защищать отпрысков шефа.

– Ладно, ладно, но ты, дед, все равно псих.

Никита упал первым, начал отжиматься, мышцы начали наливаться молочной кислотой, спина прямая, пресс напряжен. Максим не отставал, сейчас они, не считая, соревновались, кто быстрее сдастся. Пот стекал по лицам, в висках пульсировало, вены на руках вздулись, но никто не хотел уступать.

– Николай Иванович, а я стесняюсь спросить, что происходит?

Голос остановил братьев, они синхронно повернулись в ту сторону, не меняя позы.

– Ничего, Любовь Генриховна. Ничего, достойного вашего царского внимания.

Женщина поджала губы, сверкнула глазами.

– Вы снова допились до белой горячки и палили по инопланетянам?

Николай Иванович кашлянул, выпрямил спину, Макс с Никитой поднялись, с любопытством разглядывая худощавую женщину в ярком халате, с мундштуком в пальцах за забором соседнего участка. На голове у нее было полотенце, а в другой руке – крохотная чашечка с дымящимся кофе.

– Курить с утра вредно, Любовь Генриховна.

– Вредно для здоровья будить соседей.

– Так вы уже не спите.

– Так это все по вашей вине. И я вас умоляю, не надо устраивать под моими окнами эти брачные игры самцов и стрельбу как на чеченской свадьбе. А еще ваша курица снова зашла на мой участок. Я за ней бегать не буду, приходите и забирайте, эта паразитка уже топчет цветы и пугает Бублика.

Женщина скрылась за кустами, Николай Иванович снял фуражку, нервно ее смял, сплюнул на газон.

– Вот же сучка.

– Кто, дед?

– Курица, кто же еще. Пошли ловить, чего встали?

– Макс, ты хоть что-то понял?

– То, что дед равнодушен к сучкам и курицам. Да, дед?

Братья засмеялись так, что голоса эхом пронесли над поселком. Они еще не знали, какие их ждут страсти в конце лета.

Глава 6

Вероника проснулась от того, что замерзла. С вечера не закрыв окно, девушка заснула с учебником в руках, не выключив ночник. Вообще, последние два года спала она плохо. Она ждала увидеть во сне маму, сколько бы она ни хотела и ни просила, та никогда не приходила даже во сне.

Но всегда было ее незримое присутствие с ощущением боли и безвозвратной потери. В груди щемило, под утро душили слезы, Вероника плакала во сне навзрыд, чувствуя горячие слезы на щеках, но, когда просыпалась, их не было.

Это ночью вообще был странный сон.

Девушка шла босиком по траве, яркое солнце светило и грело спину, она чувствовала – позади нее кто-то есть, кто-то идет следом. Вероника знала этих людей, улыбнулась, обернулась, но солнце слепило, были видны лишь два мужских силуэта.

Странный сон. Много в нем было намешано эмоций, а еще она ощущала касания, дыхание, слышала смех, голоса, но не могла разобрать ни одного слова.

Проснулась резко, оборвав сон, от холода, вуаль на окне развевал легкий ветерок, а первые лучи солнца освещали комнату. С улицы были слышны голоса, крики. Вероника потерла глаза, поправила волосы, встала, подошла к высокому панорамному окну, она его очень любила, от него было просторно, много света и воздуха.

Но когда девушка захотела закрыть одну из створок, рука застыла на месте. На соседней лужайке происходило странное. Точнее, раньше там кроме суеты, что наводил Николай Иванович и его куры, не было ничего. Это очень волновало тетю Любу, она часто ругалась с Зориным, было даже забавно.

Но сейчас на стриженном газоне лужайке дрались двое мужчин. Оба обнаженные по пояс, в спортивных шортах, босиком. Они толкали, хватали друг друга за руки и плечи, делали подсечки, роняя на землю, легко поднимались и снова нападали.

Выстрел раздался неожиданно, Вероника вздрогнула, присела на корточки, вцепилась в шторы, сердце затрепетало в груди. Сосед Зорин пальнул из ружья, а потом начал отчитывать тех драчунов. Из дома выбежал еще один мужчина, а следом парни упали на траву и начали отжиматься.

Вероника села на пол, придвинулась ближе и уже начала внимательнее рассматривать парней. Оба крепкие, широкоплечие, темноволосые, под загорелой кожей играют мышцы, перекатываются буграми. Узоры татуировок, их было много, а у того, что был не таким накачанным, как другой, на спине – рисунок огромного кита. Сердце Вероники как-то странно снова трепыхалось в груди, губы пересохли, а ладони вспотели.

Кто они такие?

Значит, ей вчера не привиделось, и огонек на балконе соседнего дома – не галлюцинация.

Вероника пригладила волосы, продолжая наблюдать, прикинув к стеклу. Вот к забору подошла тетка, начала ругаться с Зориным, а парни с любопытством ее рассматривали. Позы расслабленные, ноги широко расставлены, вот один из них поднял голову, девушка отшатнулась от окна, прикусила до боли губы.

Не хватало, чтобы ее застукали за подглядыванием. Но любопытство взяло верх, Вероника снова подвинулась, теперь хозяин дома напротив что-то объяснял молодым людям, а они громко смеялись.

Стало жарко.

Совсем недавно Вероника хотела закрыть окно, лечь обратно в кровать, укутаться одеялом, а сейчас стало нечем дышать. Стыдно было признаться, но Вероника никогда не видела

вживую таких молодых мужчин. Спортивных, крепких, подтянутых, с идеальными, красивыми, совершенными телами. Нет, видела – в учебниках анатомии, но это не считается.

Тряхнула головой, встала, зайдя в ванную, на длинную майку, в которой спала, накинула легкий халат, умылась. Щеки розовые, в глазах блеск, учащенное сердцебиение. Все признаки тахикардии, не хватало еще одышки и потери сознания.

– Вероника, ты уже проснулась? Да, конечно, после выходки Зорина проснулся весь поселок. Странно, что еще никто не вызвал полицию, и они не приехали с мигалками.

Тетушка нервно расхаживала по кухне, несколько раз включила и выключила чайник, выглянула в окно.

– А что случилось?

– Случилось, что я купила дом рядом с психически неуравновешенным соседом. Вот это беда, вот это есть над чем горевать.

– Да ладно, тетя Люб, он ведь нравился тебе, – Вероника сама включила чайник, достала чашки, из холодильника – сыр, яйца, молоко. Нужно было чем-то себя занять, хотя бы приготовить завтрак.

– Нравится? Шутишь? А где Бублик? Бублик? Солнышко мое, ты где? Бублик! Наверное, удрал в малину, ему там как медом намазано, опять вернется весь в грязи.

– Я пойду найду, не переживай.

Веронике хотелось расспросить больше, узнать, кто те парни у соседа Зорина, но постеснялась. Надев сланцы, девушка вышла на крыльцо, запахнула халат, вдохнула полной грудью прохладный воздух, поежилась.

– Бублик, ты где? Ты где, проказник? Бублик!

Медленно спустилась с крыльца, свернула направо, в той стороне участка от старых хозяев осталась малина, растущая вдоль забора. Ее были целые заросли, колючая, ветвистая, она царапалась ветками и путала волосы.

Остановилась, присела, рассматривая собачьи следы, они вели в кусты. Придется идти туда, ничего не поделать, мопс мог через дыру убежать к соседям, но обычно к ним лазала их курица.

– Бублик, а ну, выходи! Я тебе колбаску дам, честно-честно.

Шагнула, раздвигая ветки, кое-где еще краснела поздняя ягода, нужно было до нее дотянуться, Вероника уверенно пошла вперед, холодная роса с листьев намочила волосы и руки. Но как только до забора оставалось совсем немного, раздался хруст, скрежет, голоса.

Девушка резко развернулась, метнулась назад, но словно из ниоткуда появился мужчина с голым торсом. Вероника врезалась в него, кто-то больно дернул за распущенные длинные волосы, она шагнула назад, но и там налетела на еще одного человека.

Лиц не было видно, лишь широкие плечи, татуировки, загорелая кожа. Вероника зажмурилась, сжала кулаки и закричала.

– А-а-а-а!..

– Эй, эй, не кричи! – Никита тряс девушку за плечи, пытаясь успокоить. – Не ори, кому говорю!

– погоди, не так, – Максим развернул находку в кустах к себе, зажал рот рукой, Вероника замолчала и тут же широко распахнула глаза.

– Вот это да... Ничего себе, какую мы ягоду нашли вместо курицы.

Братья вместе смотрели в серо-голубые глаза девушки, обрамленные черными густыми ресницами, вот она часто заморгала, начала вырываться.

– Не ори, только не ори. Мы соседи. Кивни, если поняла, – Макс старался говорить тихо, а у самого ладонь, что касалась губ девушки, горела огнем.

Вероника кивнула, запрокинув голову, смотрела на двух парней. Это были они, те самые спортсмены, причина ее учащенного сердцебиения. Они просили не орать, но она даже слова бы сейчас сказать не смогла. Повела плечами, ткань халата съехала вниз, обнажая кожу.

Макс убрал руку, девушка кончиком языка облизала губы, длинные светлые волосы обрамляли кукольное личико.

– Ягодка, как тебя зовут? – Никита сам не мог оторвать от нее взгляда, шагнул вперед, но она, метнувшись в сторону, застонала и поморщилась.

Волосы запутались в ветках малины, Вероника начала безжалостно дергать их, хотелось уйти как можно быстрее и не видеть их. Не чувствовать того странного, что с ней сейчас происходило.

– Постой, сейчас поможем. Больно, да?

Братья принялись вдвоем распутывать волосы, на ощупь они были гладкими, их хотелось трогать и трогать. Вероника стояла, не шевелясь, а когда все закончилось, бросилась бежать, царапаясь о колючие ветки.

– Ты тоже это видел, брат? Видел эту ягодку?

– Видел, видел.

– Теперь точно будет не скучно.

Глава 7

– Дед, а что там у тебя за соседка такая интересная? – Никита запихнул в рот половину жареного яйца, откусил хлеба с маслом, начал с аппетитом жевать.

– Это не соседка, а геенна огненная, послал бог в начале весны на старости лет. Отдохнуть, как говорится, жил не тужил, беды не знал. Приехала, начала тут порядки устанавливать. Не стучи. Не шуми. Не пили. Ходи тихо. У нее, оказывается, тонкая душевная организация и мигрень.

Николай Иванович, не скрывая эмоций, рассказывал о новой соседке, взял хлеба, положил обратно, кинул в чай пять кубиков сахара, чертыхнулся и выматерился.

Братья переглянулись, продолжая с аппетитом уплетать приготовленную Валерой яичницу с беконом, было вкусно. После утренней разминки и такого эмоционального выброса энергии в кустах соседской малины, где они встретили сладкую ягодку в лице милой блондиночки с пухлыми губками и торчащими через тонкую ткань халатика сосками, молодой организм требовал подпитки, килокалорий было потрачено немало, а кровь все еще бурлила в венах.

Девчонка убежала, оставив много вопросов, а еще странные ощущения и практически ожог на ладони Максима. Он постоянно сжимал и разжимал пальцы, разглядывая ее, чувствовал, но ничего не находил.

– Ее так и зовут – геенна огненная? – Никита не унимался, ему было страсть как любопытно, что там за соседи такие, от которых всегда собранный дед на нервах. А у него самого все еще бежали мурашки по спине от воспоминаний о встрече с ягодной блондинкой.

– Нет, хуже. Ее зовут Любовь. Любовь Генриховна, паразитка такая, с гонором. Своенравная, заносчивая. Все ходит со своим псом, страшный, прости господи, пьет из крохотных чашечек кофе, держит ее двумя пальчиками и учит меня жизни. Балерина бывшая, из интеллигенции.

Николай Иванович Зорин, участвовавший в нескольких военных операциях, побывавший не в одной горячей точке мира и отдавший служению Родине больше пятидесяти лет, на дух не переносил таких жеманных дамочек.

Он любил женщин хозяйственных, домашних, которые ни за что бы в жизни не додумались крутить пируэты в колготках на сцене и смотреть на мужчину, как на таракана – с удивлением и брезгливостью. Соседка смотрела именно так, а бывалый вояка вытягивался перед ней по струнке и слово не мог сказать. Нонсенс.

– Макс, ты понял, как все серьезно?

– Да.

– Да что вы там можете понять? Сопляки.

– Нервный ты, дед, стал, тебе бы отдохнуть. Может, поедем на море? Если отец отдаст банковские карты, мы тебя свозим. Или в санаторий отправим, нервы подлечить.

Николай Иванович посмотрел на внуков, любил он их, паразитов, но жизни они не знали совсем, покачал головой, придумывая план, как бы сделать забор повыше, чтобы не видеть эту Любовь совсем. Надо использовать рабочую силу в лице трех здоровых мужиков, пока они гостят в его доме, и Валерия привлечь к труду.

– А блондинка кто? – это уже спросил Максим, отодвинул пустую тарелку, посмотрел на деда.

– Какая блондинка?

– Маленькая такая, с серо-голубыми глазами испуганной лани.

– А, эта, племянница ее, живет все лето, Вероника.

– О, точно, ягодка, я как знал, – Никита весело толкнул брата в плечо.

– Она совершеннолетняя?

– А ты чего задумал? Где вы ее успели увидеть?

– Я пока просто спросил.

– Ты мне это, прекращай задавать такие вопросы, я не потерплю в своем доме и на участке разврата, – Николай Иванович снова завелся, представляя, что может начаться, дай волю этим парням. Сам такой был, молодой, горячий, дров наломал – дай бог.

– Хорошо, спрошу у нее сам.

– Макс!

– Господи, как трудно с тобой. Когда ты успел стать таким занудой?

– Десять ей, учится на медицинском, книжки все читает да загорает на лужайке.

И не смейте портить хорошую девочку!

– Да кто ее портит? Сам нас послал курицу искать, там забор сломанный у малины, мы ее и встретили, а она закричала и убежала, – Никита тоже доел, довольный и сытый откинулся на спинку стула.

– Правильно сделала, нормальная девушка к вам на десять метров не подойдет.

– Это почему?

– На себя посмотрите. Все разрисованные, как яйца пасхальные, – Николай Иванович показал на татуировки внуков. – И чтобы за стол так больше не садились, чтобы пошли и оделись.

– Так, девочкам как раз и нравится такое. Ты ничего не понимаешь.

– Тебе, Никита, понравится мыть посуду, ты у нас сегодня дежурный. Макс пойдет в гараж и принесет наверх несобранные кровати. А мы с Валерием в магазин съездим, вас, проглотов, кормить же надо, моих курей не хватит. Да, и покормите их.

– Что? Какая посуда? Я ее мыть-то не умею!

– Научишься, мать-природа подскажет.

Никита возмущался, дед ворчал, Макс улыбался. За все утро он и не вспомнил об аварии, о Савельеве в коме, обо всей ситуации, об отце. Даже о том, что у них куча дел, нужно готовиться к гонкам, а это не уличные, это все официально. Победа в них дает возможность участвовать в кросс-кантри ралли, которое пройдет в Марокко в ноябре.

Но Максим Зорин сидит и думает о блондинке с пухлыми губами, которые одним касанием обожгли ладонь, да он и сам завис, как подросток, на ее обнаженном плече и пушистых ресницах.

– Зерно у курятника, Макс, нечего сидеть, иди корми, да воды налей.

Максим закатил глаза, тяжело вздохнул. Чем бы он сейчас был занят дома? Спал бы он еще и снились бы ему цыпочки, а не куры в живу.

А в доме напротив разгорались ничуть не уступающие по накалу страсти.

– Я не нашла его, в малине нет Бублика.

– Уже не надо никого искать, нашелся наш Бублик и привел в дом подружку.

По веранде чинно расхаживала курица, а мопс сидел рядом и, высунув язык, виновато смотрел на хозяйку. Пол был в земле и траве, пес – грязный, а курица клевала дорогой ламинат.

– Я сварю из нее суп, – Любовь Генриховна обхватила мундштук губами, затянулась, выпуская дым из ноздрей. – Вот переступлю через себя, отрублю этой курице голову, я в сарае видела топор, сварю суп и приглашу на обед Зорина, а в процессе расскажу, из кого он.

– Это жестоко.

Бублик твякнул, курица, словно понимая, что говорят о ее скорой кончине, подняла свою куриную голову и напряглась.

– Жестоко, но справедливо. А ты чего такая чумная? Маньяка в малине встретила или на жука наступила?

Вероника посмотрела в сторону большого старинного зеркала, там и правда отражалась странная особа. Пояс халата развязан, одно плечо голое и поцарапанное, волосы спутанные, в глазах нездоровый блеск, губы горят огнем, как и щеки, ноги тоже исцарапанные и грязные. Они сейчас с курицей были чем-то похожи.

Она встретила, да, двух жуков, майских, но в августе, и это вызвало в душе смятение. У девушки никогда не было такой реакции на парней, ни один, даже Аркадий, который ухаживает и добивается ее почти год, не вызывал и доли подобных эмоций.

– Ну, понятно, иди и приведи себя в порядок, завтракать будем.

– А курица?

– Я подумаю, что с ней сделать. А ты, Бублик, наказан, потому что ты привел в дом врага. Кто совсем недавно бегал от нее? А сейчас что, любовь?

Мопс снова твякнул, курица продолжила портить пол, Вероника ушла к себе, а Любовь Генриховна подошла к окну, отдернула шторку и принялась наблюдать за домом соседа. Она придумает что-то поинтересней супа, Зорин будет в шоке.

А вот Вероника была в шоке от себя и случившегося, скинув халат, залезла в душ, вода смывала грязь и листья малины с волос. Пальцы немного дрожали, грудь высоко вздымалась, девушка прикоснулась к губам, все еще чувствуя, как их прижимала широкая мужская ладонь. И как две пары заинтересованных глаз смотрели изучающе, проникая глубоко в душу, но при этом с такой похотью и желанием, что становилось жарко.

Глава 8

Максим с грохотом бросил упаковку досок на пол и посмотрел на брата, который удобно устроился на балконе и увлеченно смотрел в бинокль.

– Ты уже победил посуду?

– Не до нее пока.

Никита отмахнулся, продолжая рассматривать в дедовский армейский бинокль соседний участок и дом. Движения не наблюдалось, никто не входил и не выходил, кроме мопса и курицы, которая топталась у крыльца, а собака спала.

– Да ты маньяк, Кит. Бинокль, кресло, ты еще блокпост здесь устроишь в надежде увидеть голую женщину в окне.

– Придурок.

Максу и самому было любопытно, но он не показывал этого, должен же хоть кто-то из них быть вменяемым. В гараже он нашел упаковки досок от кроватей, дотащил одну, бросил и вот – застучал брата за подглядыванием.

– Иди и мой посуду, и будем собирать кровати, я не хочу спать на полу, как пес.

– О, о, движение! Да пригнись ты, не маячь голым торсом!

Никита дернул Макса вниз, пригнулся сам, так что из-за перил торчали лишь две макушки. Из дома вышла женщина, та самая, по словам деда, геенна огненная.

– Это Любовь, – Ник сказал шепотом, брат покачал головой. – Собралась куда-то, смотрит на собаку.

– Я все вижу, можешь не пересказывать.

Соседка была одета в широкие светлые штаны и ярко-оранжевую рубашку, на голове платок, на лице солнцезащитные очки. Она действительно что-то говорила собаке, потом развернулась, пошла в сторону ворот. Где-то пропищала сигнализация, потом завелся мотор, а дальше послышался гул отъезжающего авто.

– Так, геенна уехала, значит, Ягодка одна.

– Достал ты меня, подними зад и вали мыть посуду.

– Эй! Макс!

– Я сейчас тебе врежу. Что вообще за извращенство – подглядывать за девчонкой?

– А что, она тебе не понравилась? Такая сладенькая, миленькая. Меня стояк мучает с утра, еще немного – и яйца начнет ломить. Нам здесь месяц торчать, давай уже скрасим наш мужской отпуск красивой девушкой.

Кит был прав, он сказал то, о чем думал сам Максим, это их и отличало: Никита был открытым, говорил, что думал, все его эмоции были на поверхности. А девочка понравилась. Очень понравилась. Он таких, как она, не встречал в городе, круг общения у них с братом другой. Девчонки в основном раскованные, дерзкие. Они сами висли на шее и искали встречи.

Стояк и Макса мучил, но с вечера, когда он именно Ягодку, как прозвал Кит блондиночку, увидел в окне напротив. Тонкий силуэт, аккуратная грудь и волосы, водопадом струящиеся по спине.

– Дай сюда, – Максим отобрал бинокль. – Иди в гараж, принеси вторую упаковку, а я найду инструменты.

Никита ушел, молодой мужчина начал наблюдать за участком и домом соседей сам. Ничего не происходило с минуту, но потом открылась дверь веранды на заднем дворе, и появилась девушка. Она поставила миску с водой на газон, насыпала рядом зерна.

– Цыпа-цыпа, иди сюда, кушай, я не дам тете Любе сварить тебя в супе, лучше отнесу соседям.

Вероника напряглась, чувствуя, как зажгло между лопаток, медленно поднялась, обернулась, посмотрела вперед и наверх. На балконе дома Зорина стоял парень, он убрал бинокль от глаз, просто смотрел и ничего не делал. Хотелось убежать, так Ника делала всегда, когда чувствовала себя некомфортно, но нужно быть сильной, как тетя Люба, а не прятаться в норку, как напуганная мышка.

Парень склонил голову, Вероника прикусила до боли губу и сжала кулаки. Он так и не оделся, на обнаженной груди красовались узоры татуировок, широкие плечи, четкие кубики пресса на животе. Девушка, как под гипнозом начала рассматривать их с такого расстояния, помня, что именно он зажал ей рот рукой, чтобы она не кричала, а губы при этом горели огнем.

Тут он поднял руку в знак приветствия, а Вероника резко сорвалась с места, вбежала в дом, закрыла дверь, прислонившись к ней спиной.

– Да что это вообще со мной такое? – девушка начала ругать саму себя, нервно прошлась по веранде, взяла со стола учебник, села в кресло, открыла, начала читать, но курс анатомии не лез в голову.

Как хорошо и спокойно она жила до этого дня. Загорала на лужайке, собирала ягоду, читала, ела новые блюда тети Любы, слушала ее любовные истории из жизни и мечтала о своих.

– Алло?

– Привет, что делаешь?

Звонок Аркадия отвлек от соседей и курса анатомии.

– Ничего, читаю.

– Господи, Вероника, ты так мир вокруг себя не увидишь, если будешь не отрывать глаз от учебников. Давай я приеду, покатаемся, там есть живописные места, целое поле подсолнухов, тебе понравится. А еще река с крутым обрывом, я когда от тебя в тот раз возвращался, все это видел.

– Не знаю даже. Как-то неудобно, что ты мотаешься из Москвы, столько часов за рулем, мне неудобно.

– Брось, Вероника, ты знаешь, как я к тебе отношусь, мне приятно быть рядом, ты мне нравишься, ты знаешь это. К тому же я надеюсь, что Любовь Генриховна оставит меня с ночевкой, выделит коврик около Бублика, и мы проведем вместе не один день.

Вероника отложила учебник, прошла до окна, отодвинув шторку, посмотрела на соседский балкон, там уже никого не было. Аркадий ее отвлекал от мыслей о странных соседях, от своей на них реакции.

С молодым человеком было приятно и легко, они знакомы уже почти год, Аркадий учится на четвертом курсе их медицинского университета, на кафедре стоматологии. Обучение там стоит заоблачных денег, но судя по машине, у Аркадия богатые родители.

– Да мне и самому надо отвлекаться, мой старший брат попал в жуткую аварию, сейчас все еще в коме, а я постоянно думаю о нем и извожусь от беспомощности.

– Да ты что? Господи, я не знала. Мне очень жаль. А что говорят врачи?

– Говорят, что нужно время.

Вероника всегда остро реагировала на подобные новости, ей было жалко всех – от курицы, что могла попасть в суп, до брата Аркадия.

– Ты, конечно, приезжай, тетушка не будет против твоей ночевки, ей тоже сейчас нужно отвлекаться, у нее война с соседом и его курицами.

– Хорошо, спасибо, тогда я выдвигаюсь, буду к вечеру, если трасса пустая.

– Хорошей дороги.

Аркадий отключился, кинул телефон на пассажирское сиденье автомобиля, улыбнулся. Эта Вероника не дает ему покоя уже год. Вся такая милая, нежная, трогательная, словно не из этого, пропитанного грязью и похотью, мира. Он заметил ее в сентябре, как только при-

шли на учебу желторотые первокурсники, Аркадий так делал каждый год: выбирал себе пару девочек, а потом методично их раскручивал на секс.

Нет, он не брал силой, до этого никогда не доходило. Все продавались. Одни – за красивые слова и пару походов в кино, другие – за новый смартфон и духи. Рубцова Вероника была неприступна, и это даже ему нравилось, щекотало нервы.

Аркадий хотел, чтобы она отдалась сама, чтобы дрожала от желания, насаживаясь на его член, а он бы ее трахал, намотав длинные волосы на кулак. У него были девственницы, брал он их быстро и грубо, но с Вероникой не хотелось торопиться.

Старший братик еще так вовремя загремел в больницу, идиот конченный, устроил гонки по городу с Питбулем и Китом. Зорин и Ларин в этом плане отмороженные совсем, они никому никогда не проигрывали. Да еще вещества запрещенные в крови у него нашли, отец на нервах, мать стрессует, валить надо из города и уже срывать вишенку с Вероники.

Глава 9

– Не понимаю, откуда это? – Никита держал в ладони горсть болтов от кровати. Она была почти собрана, но вот оставшиеся «лишние» детали вызвали беспокойство.

– Не надо было отвлекаться, торчать с биноклем на балконе и пускать слюни на девчонку. А еще читать инструкцию, там все нарисовано для таких идиотов, как ты.

– Сам идиот. И так сойдет.

Ник бросил матрас, аккуратно сел на него сам, попрыгал, все было вполне устойчиво. Молодого человека мало волновала сборка кровати куда больше милая и такая сексуальная блондиночка из дома напротив.

Она быстро передвигалась по участку, словно боялась, что ее увидят, спешила скрыться, спрятаться. Забавная такая, поэтому ее хотелось разгадать, узнать, а лучше прижать к стенке и раздеть.

Максим покачал головой, заканчивая сборку своего места для сна, лишних деталей не было, он наконец лег, вытянул ноги, прикрыл глаза. Да, Макс тоже думал о соседке, слишком много думал, даже это уже было странно. Потому что Максим Зорин не думал о девушках, он трахал, брал там, где хотел, позволял им то, что они хотели.

Не имея к своим годам отношений, Макс не знал, что это такое, и считал, что ему в любом случае рано думать об этом. Слишком много планов впереди, а он вот так неудачно застрял у деда, собирает кровать и ловит курицу.

На телефон вновь пришло сообщение.

«Макс, напиши хоть слово, я переживаю».

«Не переживай».

Максим, наконец ответил, начал читать другие сообщения, которых за время после гонок накопилось много. Друзья писали разное, что Дэн виноват сам, и наоборот, что не надо было им покушаться на провокацию Савельева.

«Я скучаю».

Два слова не вызвали ничего. Макс был равнодушен и не помнил, чтобы по кому-то скучал хоть когда-то. Наверное, только по маме, но он ее плохо помнит, ее не стало, когда он был совсем маленьким, года три, наверное, было. Они знакомы с Лерой три месяца, на какой-то из вечеринок после заезда девушка подошла сама, сказала, что было круто. Что она никогда не каталась на байке. Макс покатал, ему нетрудно, до своей квартиры и спальни. Улыбчивая, любящая экстрим длинноволосая брюнетка стала появляться часто рядом, проводить с Зориным ночи, вести себя, словно они пара.

Но они не пара. Надо бы Максиму завязать с ней.

Он откинул телефон, оставив сообщение неотвеченным. Но стоило вновь прикрыть веки, как возникал образ ягодной блондинки, ее огромные глаза и взгляд, который заставлял сердце биться чаще.

– Так, я не понял! Дрыхнете, что ли? А ну, подъем, сумки разбирать. Вы курицу нашли?

– Господи, дед, почему ты такой громкий? У нас отдых, мы встали рано.

– Я сейчас дам поспать ведром воды. Ты посуду помыл?

– Помыл.

– Я сейчас проверю.

Дед ворчал, спускаясь по лестнице, обвиняя внуков в безделье, обещая, что он научит их настоящему труду и сделает из них людей. Максим снова подумал о побеге, но пока было рано осуществлять его, в городе еще не утихли страсти после гонок, отец злой.

– Пойдем, жрать охота, а то после Валеры ничего не останется.

Максим встал, потянулся, надел футболку, вышел на балкон, взял бинокль. По соседскому газону чинно расхаживала их курица, а мопс ее охранял. Нужно было как-то попасть туда, а единственный способ был вновь пробираться через малину. Блондинки нигде не было, но курица – самый верный способ с ней познакомиться, пока ее тетки нет дома.

– Ты тоже об этом думаешь?

Никита словно читал мысли брата, стоял рядом и хитро улыбался, щуря карие глаза на солнце. Хоть они и были не кровные братья, но за время, что они постоянно находились вместе, уже могли знать, какие мысли живут в голове каждого.

– Задача добыть курицу.

– Я согласен на блондиночку, схватить ее и утащить на новую кровать.

– Пойдем, хорош трепаться, я устал тебя слушать.

Николай Иванович жаловался Валерию на кухне, братья как можно тише через гостиную вышли на задний двор, свернули левее. За кустами шагнули в разрушенную часть забора и начали пробираться через колючую малину. Кое-где краснела перезревшая ягода, Максим закинул в рот несколько штук.

– Тихо! – Никита поднял руку, присел, Макс последовал за ним. – Слышишь?

– Черт, Кит, кончай этот цирк.

– Голос блондинки, – Никита сказал шепотом, приложил палец к губам.

И правда, сидя в высокой малине, братья слышали, как совсем рядом находится девушка, она что-то напевала, двигалась. Было видно сквозь зеленую листву, как девушка развешивает мокрое белье на натянутую веревку, как тянется, встает на цыпочки.

Тонкий силуэт, короткое платье просвечивало на солнце, а когда она тянулась сильнее, даже были видны полушария упругой попки. Братья, как два извращенца, сидели и смотрели на нее, чуть ли не открыв рты. Вот девушка нагнулась, взяла из корзины футболку, в декольте мелькнула грудь, Макс сглотнул, дергая кадыком, а Никита протяжно вздохнул.

Вероника напряглась, словно чувствуя, что за ней снова наблюдают, кинула взгляд на балкон соседей, но там никого не было. А когда прибежал Бублик и начал лаять на малину, по спине побежали мурашки страха. Девушка была одна дома, после звонка Аркадия решила постирать, развесить белье на улице.

Бублик заливался лаем, Макс поморщился, вот не стоило так себя вести и прятаться, теперь они как два придурка-извращенца. Встал во весь рост, девушка взвизгнула, а когда из кустов показался второй парень, закричала, как утром, от неожиданности и шока.

– Не кричи, мы всего лишь за курицей, нас дед послал. Да что это за херь такая?

Несколько шагов, Максим хватается девушку за плечи, трясет, Вероника молчит, лишь глотает ртом воздух. Парень такой огромный, сейчас в футболке, серые глаза смотрят зло, а кожа под его ладонями горит огнем.

– Я... я... А-а-а...

– Не кричи, малышка, все хорошо, меня Ник зовут, это Макс, мы не сделаем больно.

– Кит, что за чушь ты мелешь? Заткнись сам!

Вероника замолчала, сделала глубокий вдох, чтобы закричать еще громче. Она не могла понять свою реакцию на этих парней, от этого было страшно. А дальше случилось то, что совсем выбило ее из собственного мира.

Максим впился в рот девушки губами, по рецепторам языка прошел сладкий вкус, импульсы яркими вспышками накрыли мозг. Губы мягкие, сладкие, влажные. Это был первый, самый первый поцелуй Вероники в ее жизни. Дыхание перехватило, ладони вспотели, из груди вырвался стон.

– Черт, Макс! Отпусти ее!

А вот дальше произошло совсем невероятное. Веронику отрывают от одного молодого человека, и ту же секунду ее обнимает другой. И целуют уже другие губы, а дыхание перехватывает снова.

Они слишком близко, от тел идет жар, касания вызывают дрожь, сопротивляться нет сил. Это был второй поцелуй в жизни Вероники, но с другим мужчиной.

Как вообще такое могло произойти? Надо кричать, сопротивляться, бежать, а она стоит и ничего не может сделать.

В шоке от происходящего были все, даже мопс Бублик и курица смотрели на молодых людей широко раскрытыми глазами.

– Такая сладкая Ягодка.

– Отпусти! Нахал!

– Что здесь происходит? Вероника!?

Молодые люди замерли, от неожиданности у каждого дрогнули нервы, обернулись. Вероника покраснела до кончиков ушей, Макс повел подбородком, Никита сглотнул. Любовь Генриховна кинула на газон пакеты, уперла руки в бока, наблюдая эту странную мизансцену.

– Я спрашиваю, что здесь происходит?

– Макс, валить надо, она сейчас нас разорвет,– Кит процедил сквозь зубы, Вероника отшатнулась, не зная, что ответить тете.

– Вон с моего участка! Оба! Чтобы я вас не видела! И курицу свою заберите, пока я из нее суп не сварила!

Глава 10

– Вот же черт, ты видел, какая она мегера? Я даже слова забыл, недаром дед ее боится.

Да, знакомство с соседями вышло, так сказать, не очень, особенно с тетушкой сладкой ягодной блондиночки. Братья не помнили, чтобы так их кто-то когда-то гнал взащей, а они, как нашкодившие щенки, убежали, поджав хвосты.

Любовь Генриховна – дьявол во плоти, а ее племянница – чистый ангел.

– А какая Вероничка сладенькая, ты понял? Нет, Макс, ты понял? – Никита, прижимая к груди курицу, которая не оказывала сопротивления, пробирался через заросли малины.

Макс понял, почувствовал, ощутил и охренел.

Девушка действительно была сладкой, нежной, губы полные, мягкие. Их хотелось мять, покусывать, облизывать, засасывать и снова сминать поцелуем. В голове были лишь яркие вспышки, такие как от пролетающих мимо огней ночной трассы, когда летишь по ней на байке. Адреналин скакнул в крови, тело напряглось, возбуждение накрыло, член встал колом. И это все сразу, за доли секунды поцелуя.

Не смутило даже то, что Кит оторвал девушку от него, начал сам целовать, а Макс смотрел на это, сгорая еще больше от желания.

– Хрень какая-то...

– Ты понял, да? Черт, брат, меня все еще колотит.

Никита перелез через поваленную часть забора, курица не трепыхалась, а вот в груди у молодого человека сердце стучало африканскими барабанами. Никита как увидел эту малышку, ее просвечивающий халатик, обнаженные ягодицы... Да он готов был поставить сто баксов, что на ней не было белья, лифчик точно отсутствовал.

Первое желание было подойти, взвалить на спину, унести в кусты, там задрать подол, узнать, что под ним, разорвать к дьяволу все, что мешает, и долго, очень долго не вынимать из ее малышки свой каменный стояк.

А когда брат, пытаясь заглушить крики, начал целовать Ягодку, вспыхнула обида и досада, что не он это сделал. Но наблюдая, как Макс практически трахает ее рот языком, возбуждился еще больше, представив, как при этом он может входить в нее сзади по самые окаменевшие яйца. Вырвал девушку, сам вонзился в ее губы, простонал от удовольствия, но тетка все испортила.

– Ай!

Раздался хруст, потом еще, оставшаяся часть забора рухнула на территорию Зорина, Макс с Никитой остановились.

– Может, дед и не заметит, тут все равно кусты?

– Да какого хрена здесь творится, мать вашу?

– Уже заметил.

– Я вас куда послал? А вы что тут мне устроили? Почему имущество ломаете, паразиты?

– Дед, ну нечаянно, реально, я всего лишь наступил, а он хрусь – и все.

– «Хрусь» в твоей башке произошел давно, когда ты в тринадцать лет ей шибанулся об мусорный бак.

Макс хмыкнул, вспоминая тот случай, как потом Кит лежал неделю в кровати, тупо смотрел в потолок. Это было их третье лето у деда, он тогда не был таким диким, как сейчас. А все потому, что малой решил во что бы то ни стало погонять по поселку на мопеде, как крутой гонщик, пуская пыль за собой столбом.

Никита угнал у соседа через дорогу мопед, проехал до конца улицы и врезался в мусорные баки, не зная, где тормоза, вписавшись головой в препятствие. Прошло десять лет, а все об этом помнят и периодически напоминают, словно вспомнить больше нечего.

– Зато мы добыли курицу, смотри какая, – Никита, отвлекая возбужденного около разрушенного забора деда, показал ему курицу.

– Не моя это.

– Как не твоя?

– Моя рыжая, а эта белая, бройлер это.

– Кто?

– А где вы, голубчики мои, ее взяли? – Николай Иванович откинул доску, подошел к внукам, спросил тихо, поглядывая на соседний участок.

– Там и взяли, у Любы твоей.

– Она не моя! Она исчадие ада!

Братья переглянулись, обоим хотелось покрутить у виска пальцем, но такие фокусы были с полковником в отставке опасны. Не иначе после этого жеста вставать они будут в пять утра, а еще того хуже – дежурить ночами у этого забора.

– Да нормальная она вроде, – Макс специально злил деда, Генриховна и правда была адской бабенкой, судя по последней встрече.

Николай Иванович скривился, хотел сплюнуть на газон, но не стал, продолжил рассматривать курицу.

– Вот и ужин будет, отрубите ей башку и ощипайте, потом забор будете мастерить, мы с Валерой привезли что надо.

– Э, дед, мы так не договаривались!

– Так я вообще с вами не договаривался ни о чем. Топор и чурка в сарае за домом, давайте, покажите, какие вы мужики и умеете не только на педальку ножкой давить.

Братья остались одни, молча разглядывая несчастное животное. Курица вертела головой и смешно выпучивала глаза.

– Нет, я этого делать не стану. Я никого убивать не буду.

– Брось, Кит, это курица, самое тупое животное на планете, их разводят, чтобы есть. Ты сам от нее не отказываешься, когда ее готовит Лиза.

– Пофиг, все равно не буду, закажу доставку, здесь она должна быть. А ты – на, дерзай, ты же у нас Питбуль, жестокий и злой. Полгорода видело, как ты разбивал лицо Власу в кровь и в мясо.

Было дело, несколько лет назад на Зорина чуть не возбудили уголовное дело. Влас подрезал в заезде его, Макс упал, но поднялся, продолжил со сломанным ребром. А вот на финише чуть не убил, еле оттащили. Он даже боли не чувствовал и вообще мало что помнил, такая ярость дикая играла, требуя наказания и крови.

Максу тоже не хотелось никого убивать, но это дело престижа, так сказать, дед вообще не считает их за мужиков. Придется ему взять топор и сделать все самому на правах старшего и сильного.

– Дай сюда, – забрал курицу у Никиты. – Пойдем, пернатая, твоя душа вознесется к небесам, обещаю куриный рай, полный золотых зернышек.

Сарай был недалеко, тут же, во дворе. Чурка, судя по пятнам крови, видала она и другие отсеченные головы.

– Держи ее, а я рубану.

– Нет, нет, да я даже смотреть на это не буду.

– Черт.

Максу было неудобно, а еще жалко курицу, он не живодер и такого никогда не делал. Но как только молодой мужчина настроился и занес топор над головой, как откуда-то сверху раздался крик.

– Ты что делаешь? А ну, не смей! Не смей ее трогать!

Девичий голос раздавался со стороны соседей, Вероника, вцепившись в остатки забора, с тревогой наблюдала за молодыми людьми. Она бы так и осталась незамеченной, если бы не попытка одного из них убить подружку Бублика.

Любопытство, вот что взяло верх над здравым смыслом Вероники Рубцовой. Кое-как успокоив тетюшку и объяснив, что она сама в шоке от наглости соседей, помогла занести пакеты в дом, а сама бросилась в малину.

Зорин отчитывал парней, они успели сломать забор, Вероника сдерживала смех, а у самой сердечко снова заходило в груди, оттого что она так нагло подглядывает. После поцелуя, сразу двух поцелуев, она кое-как пришла в себя от шока и нахлынувших эмоций.

Это было так... так невероятно, так сильно. Где-то внизу живота тянуло сладкой болью, грудь ныла, щеки краснели, но вместо того, чтобы убежать, Вероника кинулась в малину следить за парнями. Никак не думала, что она такая авантюристка.

– Не надо ее убивать!

– А то что? – Макс задал вопрос первым, шурясь на солнце, давая знак рукой молчать Никите и рассматривая хорошенькую блондинку, у которой волосы снова запутались в листьях и ветках малины.

– Я... я не знаю, но нельзя ее убивать.

– Предлагаю обмен.

– Обмен?

– Да, на поцелуй.

– Два, – это уже добавил Никита, понимая, к чему клонит брат.

Вероника нахмурилась, Кит сдержал стон, скрестив ноги, у него на Ягодку началась эрекция. То, как девушка кусала губы, облизывала их от волнения, то, как торчали соски сквозь тонкую ткань халатика, все это толкало молодых мужчин на грех. Но еще все происходящее напоминало ребячество, словно Макс и Никита не выросли из подросткового возраста и сейчас разводят соседскую девчонку на поцелуй.

– Так что? Смерть или поцелуй?

Глава 11

– Вероника, что происходит? Ты с утра сама не своя, я не узнаю свою девочку.

Любовь Генриховна выложила на овальное блюдо куски запеченной рыбы, овощи, покрутила его, сама любуясь приготовленным ужином. Выставила его на центр круглого стола, Вероника завершала сервировку на трех персон.

– И да, не забудь салфетки и бокалы под белое вино. Так что с тобой? Ты не рада, что пригласила Аркадия, или тебя обидели те утренние нахалы – внуки Зорина?

– Все хорошо, но ты права, не стоило приглашать Аркадия, я не посоветовалась с тобой.

Вероника практически никогда не врала, по ее мнению, это было низко, тем более обманывать родных. Но сейчас приходилось немного лукавить, приплетать Аркадия, о котором девушка уже и забыла. Все мысли были о двух соседях, курице, что топталась на веранде, и обещанном поцелуе.

Двух поцелуях.

И как она докатилась до такой жизни?

– Да ладно, мы сто лет не принимали гостей, я как знала, купила рыбу, овощи и хорошее вино, остались вчерашние булочки с маком. Будем пить чай с мятой на веранде и устраивать допрос с пристрастием твоему Аркадию.

– Он не мой.

– Все в твоих руках, чтобы он таким стал.

– Я не думаю о замужестве и романах, учиться надо.

Любовь Генриховна покачала головой, вздохнула, посмотрела на часы, стрелки приближались к семи вечера, а рыба остывала, а открытое вино уже подышало. Вероника села за стол, стала перебирать пальцами кончики заплетенных в косу волос.

Она обещала прийти в полночь к забору. Отдать выкуп за курицу. Это ведь совсем немного – всего поцелуй за чью-то жизнь? Это сущий пустяк. А теперь приедет Аркадий, плюс тетушка. А как спокойно она жила два месяца, пока не появились соседи.

– Алло, да. Хорошо, ничего страшного, да, конечно, можно и на выходные. Пока. Удачи.

Вероника отложила телефон, пожала плечами, посмотрела на Любовь Генриховну, та все поняла и так: гостей сегодня не будет.

– Значит, так хотел приехать. Давай бокал, немного вина можно, и не сопротивляйся, сегодня всем нужно расслабиться. М-м-м, ты чувствуешь, как пахнет рыба? У меня желудок сводит от голода, как в то время, когда я еще танцевала и сидела на жестких диетах.

Звонил Аркадий, сказал, что, к сожалению, не сможет приехать, на половине пути его развернули обратно, какие-то семейные проблемы. Но Вероника вздохнула с облегчением, даже сама удивилась этому.

Ужин начали под классическую музыку и приглушенный свет, девушка сделала глоток вина, его вкус мягко прошелся по рецепторам языка, растекся теплом в груди. Почти так же, как после поцелуев соседских парней.

Нет, тогда было жарче. Тогда все было непонятно и странно.

– Ты слышишь?

– Что?

– Стук? Кто-то стучит и скрипит.

– В дверь?

– Нет. На улице.

Любовь Генриховна выключила старый проигрыватель, с бокалом вина вышла на улицу, Вероника последовала за ней, стук усилился. С крыльца веранды было хорошо видно, как на соседнем участке трое мужчин усердно выламывают забор.

– Николай Иванович, вы не находите, что сейчас не самое хорошее время для строительных работ? Николай Иванович!

– А что случилось, Любовь Генриховна, мальчики вас разбудили?

Ульянова поджала губы, вцепилась в тонкое стекло бокала, но вида, что шутка была неуместной, не подала. Мальчики отвлеклись от разрушения сломанной конструкции, лучи заходящего августовского солнца играли на обнаженных плечах и груди. Они были как два Аполлона, сошедшие с Олимпа, совершенные, идеальные.

Никита сощурился, закрылся от солнца ладонью, нагло улыбаясь, подмигнул Веронике. Максим развернул бейсболку козырьком назад, смотрел, нахмурившись, только на девушку, а Вероника, как школьница, снова начала краснеть, кусать от волнения губы и теревить косу.

– Нет, не разбудили, лишь помешали моему пищеварению и Чайковскому. Может быть, вы отложите свое мероприятие до завтрашнего утра?

– Утром у нас будет другое мероприятие, но вам оно тоже не понравится, я уверен.

– Вот же противный солдафон, – Любовь Генриховна процедила сквозь зубы. – Надеюсь, с вами ничего не случится сегодня, а то мало ли – топор упадет на ногу, доска отскочит в голову, или в ней может лопнуть сосуд от перенапряжения, – дальше женщина продолжила сладким голосом, громко и четко выговаривая каждое слово, чтобы Зорин услышал.

А Зорин услышал, еще как. Побагровел, раздул ноздри, снял фуражку, пригладил волосы, снова ее надел, сплюнул на газон.

– Вот же зараза.

– Деда снова накрывает. Дамочка опасная, чувствую, так до инфаркта можно пойти. Дед, ты не нервничай. Может, валерьянки выпить? – Никита не мог промолчать.

– А ну, отставить разговоры! Чтобы все здесь убрали и сложили в кучу у сарая, а потом ужин. Слабаки, с курицей не могли справиться, так хоть забор разобрать хватит сил. Макс, ты чего там увидел? Ты мне завязывай на нее так смотреть.

– А куда здесь еще смотреть? Дед, правда, иди отдохни, весь день суету создаешь, от тебя голова болит.

Николай Иванович еще раз посмотрел в сторону соседки, Любовь отсалютовала ему бокалом вина, а Зорину самому захотелось выпить. Мужчина махнул рукой и пошел к дому.

Максим был рад заняться физическим трудом, он отвлекал от мыслей о девчонке, ее сладких и мягких губах. В ее открытом взгляде, в котором было столько всего намешано, в котором хотелось утонуть и забыться. Она пообещала поцелуй, но ведь ни он, ни Никита явно не остановятся на этом.

– Ягодка, ты не забыла?

Макс крикнул, помахал рукой, от предвкушения полуночи эрекция мешала жить, адреналин еще не кипел, но уже блуждал в крови. Девушка встрепенулась, как испуганный воробушек, отвернувшись.

– Вероника, к кому он обращается? Что нужно не забыть? Ты подружилась с мальчиками? Не думаю, что это хорошая компания для тебя, господи, ты видела? Они все в татуировках и наверняка сидели в тюрьме.

– Нет, тетя, не думаю. Пойдем, рыба остыла.

Надо было увести тетюшку и отвлечь. Рассказывать, что она должна поцелуй за жизнь курицы, глупо и смешно.

– А ты видела, ты видела, как я его осадил? Ну до чего противный человек!

– Ты к нему равнодушна.

– Что? Ой, да боже упаси! А я говорила, как мы расстались с моим первым мужем?

– Нет.

– У Федора случился адюльтер с моей домработницей. О, как же красиво летели его вещи с балкона, это была песня. Завтра же поедem и купим мне ноутбук, начну писать мемуары, это будет бомба.

Вероника слушала, а сама думала о своем. Неужели она пойдет? Вот так просто, в полночь, на встречу с совсем незнакомыми молодыми мужчинами? Сомнений было много, но она так ничего и не решила.

Вечер прошел нормально, с улицы все еще доносился стук, Вероника не решилась выйти и смотреть, тетушка рассказывала о балетных интригах. Ближе к десяти вечера, убрав со стола и допив свой бокал вина, Вероника поднялась к себе и осторожно выглянула в окно. Было тихо, в доме напротив на втором этаже горел свет, братья не спали.

– Думаешь, придет? Макс!

– Не знаю. Выключай свет, спать охота, – Максим повернулся на бок.

– Какой спать, ты чего? В полночь у нас свидание. Сука, как в какой-то сказке.

– Туфельку не потеряй, Золушка.

– Ничего я не собираюсь терять, но даже хорошо, что мы встретили аппетитную соседку, так бы я уже от тоски завыл.

– Позови Милку.

– Точно, а ты – ту, свою Леру.

– Она не моя.

Максим встал сам, выключил свет, лег, вытянувшись на кровати, положив руки под голову.

– Она не придет.

– Почему ты так решил?

– На шлюху не похожа. Слишком красивая, и взгляд невинный.

– Ну и что?

– Ничего, спи. Никто никуда не пойдет.

– Это ты так решил, лично я пойду.

Максим промолчал. Он и сам пойдет – проверить, но уверен, что девчонке не хватит смелости. Веки наливались тяжестью, мышцы расслаблялись, сознание проваливалось в сон, а там была она.

Глава 12

Максим не мог оторваться от нежной кожи, проводил по ней носом, глубоко вдыхая, она пахла ягодами и еще чем-то цветочным, чуть уловимым. Но от этого запаха голова шла кругом, собственное тело не слушалось.

Девушка тихо стонала в его руках, она была совсем голенькая, тонкая, податливая. Макс спустился ниже, накрыл припухший сосочек губами, втянул его, прикусывая, девушка вскрикнула, он прижал ее крепче к себе.

Хотелось вжать ее в себя, слиться в одно целое, руки блуждали по спине, ягодицам, пальцы коснулись промежности, а его словно ударило током. Такая гладкая, влажная она была, сама развела бедра, а Макс, нащупав твердый бугорок клитора, начал нежно давить на него, продолжая целовать грудь.

Желание разрывало на части, член стоял колом, яйца сводило тугой болью. Он не видел лица девушки, лишь аромат, влага, стоны, она царапала плечи, извивалась, подходя к пику своего наслаждения.

Прервалось все резко. Исчезло. Испарилось.

Максим проснулся, было жарко, лоб покрыт испариной, сердце вырывается из груди, член, как и во сне, стоял колом.

– Черт, – тихо простонал, сел на кровати, хотелось пить, а лучше ледяного душа, чтобы унять желание и прийти в себя ото сна.

Темно, лишь луна ярким шаром висит в небе над домом, освещая комнату. Максиму никогда не снились эротические сны, он в это время на самом деле кого-то трахал и крепко засыпал. А сейчас, после того как приехал к деду и встретил ягодную соседку Веронику, они стали его посещать.

Потер глаза, посмотрел на кровать Никиты.

– Вот же дьявол! – сказал уже громко, не обнаружив брата на своем месте.

Этот паразит точно побежал к соседке, где-то глубоко в груди кольнула ревность, встал, взял телефон, включил на нем фонарик, как можно тише вышел в коридор. Время на дисплее было час ночи, соседка обещала прийти в полночь, значит, она пришла, и сейчас Кит стягивает с нее трусики или уже стянул.

Максим ускорил шаг, под ногами скрипели половицы, нужно было не разбудить деда и Валеру. Хотя они после бани, к тому же выпили немного, должны крепко спать.

Зорин остановился, прислушиваясь, из комнаты доносился раскатистый храп, это был Валерий. Сейчас можно было сбежать без проблем, найти ключи от машины, тихо открыть ворота и свалить. Это была хорошая идея. Идеальный побег, можно сказать.

Но без денег и карт далеко он не уедет, к тому же у отца связи, а везде камеры, тачку быстро вычислят. Нет, надо все продумать лучше, но не это остановило Макса, а мысль о том, что Кит сейчас трахает сладкую малышку Веронику, которая во сне не давала ему покоя.

Вышел через гостиную на задний двор, выключил фонарик, лунного света хватало, чтобы найти дорогу к забору и малине. Двигался медленно, прислушиваясь, готовый услышать стоны и вздохи, но было тихо.

– Ну и куда ты ее повел, паразит такой?

Все было странно сейчас – что Макс ночью пробирается как вор на соседний участок, что думает о девочке, которую знает сутки, что хочет ее и совсем забыл о проблемах. Но сейчас нужно было найти брата, увести его домой да навешать подзатыльников, Макс ведь сказал, что никто никуда не пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.